

И. А. Грошева

к.с.н., доцент, заведующая кафедрой философии, истории и социологии
Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ДЕЗОРИЕНТАЦИЯ?¹

Аннотация

В статье автор утверждает, что любая концепция социального контроля является неполной, вводит в заблуждение, если не учитывает элемент манипуляции. Этот фактор играет исключительную роль в условиях кризисного состояния социума, оказывая непосредственное влияние на мотивацию человека. Следовательно, социальный контроль изначально конструирует девиантное поведение в современном обществе.

Summary

Social control includes the most diverse means which any society use to minimize social deviation. Any conception of social control is incomplete and misleads if it doesn't take into account the element of manipulation. Consequently the social control from the very beginning creates deviant behaviour in the contemporary society.

Ключевые слова

Социальный контроль, личность, общество, социальный порядок, жизненные стандарты.

Key words

Social control, person, society, social order, standard of living.

Понятие социального контроля широко использовалось в социологической науке при обсуждении проблем социального благополучия и социальной политики, социального согласия, причем преимущественно в рамках либерально-демократических социальных и политических теорий, концепций слияния государства и общества, создания цивилизованного общества и т. п. Вопросы, которые долгое время рассматривались в рамках таких тем, как история преступления и наказания, сумасшествие и его лечение, поведенческие нарушения и их контроль, бедность и ее сдерживание, стали проблемами целого академического направления социологии девиантности и социального контроля. Ключевым вопросом выступали функции и механизмы социального контроля – направлен ли он на защиту интересов высших классов или же является реакцией всего общества на воспринятые угрозы нарушения социального равновесия и порядка. Сегодня нет единой эффективной

---

¹ Опубликовано в журнале Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2010. №4(12).

концепции социального контроля, исходя из представлений всех тех авторов, которые использовали эту категорию. Но можно идентифицировать два направления изучения социального благополучия и социальной политики, связанного с социальным контролем. Первое можно выразить как спор о власти: от чего зависит общественный порядок: от государственного управления или от общественного самоуправления. Второе направление связано с попытками объективации социального контроля методами прикладных наук, таких как менеджмент, администрирование, социальная политика, социальная работа и пр., без конкретизации самого понятия социального контроля [12].

Ученые уже давно спорят по поводу двух концепций юридического закона как главного регулятора отношений в системе «гражданин – государство». Одна из них выражена в классическом виде английским философом XVII в. Джоном Локком: «Разрешено всё, что не запрещено законом». Противоположная точка зрения сформулирована французским философом XVIII в. Ш.Монтескье: «Свобода есть право делать всё, что разрешено законами». Подход Локка стал называться «нельзя-концепцией», а позиция Монтескье получила название «можно-концепции». Первая из них получила наибольшее распространение в юридической практике. Социальный контроль не должен носить разрешительный характер, таким он бывает лишь в условиях монополизма. В демократическом государстве контроль призван устанавливать только запреты, имеющие принципиальное значение, автоматически разрешая всё за пределами этих запретов.

Концептуальное изменение социального контроля в конце XX в. заключается в том, что он из однонаправленного процесса превратился в двунаправленный: нормы и ограничения имеются не только по отношению к личности, но и по отношению к институтам власти со стороны личности; не многовековая традиционная конфронтация, а партнерство индивида и государства.

Социальные запреты, исходя из двунаправленности контроля и «нельзя-концепции», представляют собой «нельзя», разбитые на две группы. К первой относятся следующие безусловные требования к индивиду: 1) нельзя нарушать юридические законы; 2) нельзя нарушать нормы морали и нравственности; 3) нельзя быть профессионально неграмотным. Если человек выполняет в своей жизнедеятельности эти «нельзя» (он законопослушен, морален и профессионален), то к нему не может быть никаких претензий со стороны общества и государства, он совершенно свободен в своих действиях.

В качестве противовеса, обеспечивающего гарантии свободы действия индивида от посягательств власти, выдвигаются три безоговорочных «нельзя» по отношению к государству: 1) нельзя нарушать естественные права человека - свободу слова и совести, гражданство, свободу выезда и въезда и т.п.; 2) нельзя лишать его права собственности и возможности заниматься предпринимательством; 3) нельзя преследовать человека за инакомыслие. В настоящее время мы можем наблюдать нарушение всех трех «нельзя» со

стороны власти. У нас постепенно отнимают свободу слова², лишают права собственности (дело о сносе Речника и др.) и постепенно все превращается в преследование инакомыслия. Учитывая тот факт, что социальный контроль формирует нормы и правила поведения, возникает двойной стандарт: по поводу одних и тех же норм говорят «нельзя» гражданину и «можно» себе.

Когда французский криминолог и социолог Г. де Тард впервые ввел термин «социальный контроль» в своей работе «Коммуникация и социальное влияние» и обозначил его как «средство, инструмент возвращения лиц с антиобщественным поведением к общественно значимой деятельности», к поведению, соответствующему общепринятым социальным нормам [11, с. 256]. Он определил в качестве объекта социального контроля «лицо с антиобщественным поведением». Однако Тард не углублялся в сущность социального контроля, а рассмотрел его лишь как неотъемлемый элемент нормального существования общества. Тем не менее, были заложены основы этой теории и дан толчок для дальнейших научных исследований в этом направлении.

В современной отечественной социологии под социальным контролем понимается механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего – девиантного поведения [2, с. 411]. Определение не вызывает сомнений, но возникает один парадокс: социальный контроль, призванный сдерживать проявление социальных отклонений в обществе, побуждая индивида соблюдать установленные нормы, сам порождает социальные отклонения.

При рассмотрении девиаций (от первичных до вторичных ее форм) в контексте институциональных изменений, следует опираться на следующие постулаты. Во-первых, социальные отклонения порождены обществом; во-вторых, они развиваются под действием объективных факторов и по определенным законам, заданным социальной средой; они статистически устойчивы; повлиять на количество девиантных проявлений можно только при помощи улучшения социальных условий. В том случае, когда агенты формального социального контроля в виде государственных законодательных органов стремятся минимизировать социальные отклонения, принимая множество нормативно-правовых актов, игнорирующих социальные законы и закономерности (либо не принимают во внимание жизненно важные нормы), они создают аномичное общество, где индивиды начинают жить по своим, придуманным ими нормам, которые далеко не всегда являются законными. Тогда законодатели принимают новые законы, чтобы нивелировать появившиеся отклонения и так может продолжаться до бесконечности, поскольку возникает эффект «институциональной петли». В настоящее время, пытаясь регламентировать жизненные стандарты российских граждан, государство сделало декларируемые нормы жизни девиантными. Опираясь на концепцию П. Бергера можно утверждать, что сегодня любая теория

---

² www.delogrosheva.narod.ru

социального контроля будет неполной, а, следовательно, будет вводить в заблуждение, если не примет в расчет элемент обмана и манипуляции. [1, с.72]

Государство как агент социального контроля регламентирует нашу жизнь при помощи государственных социальных стандартов, которые являются средством регулирования социальных отношений. Но эффективной эта система будет только в том случае, если она соответствует потребностям членов общества. Нормативное регулирование и социальный контроль касаются всех сфер жизни современного человека, и уровень его дохода наряду с другими основаниями социальной стратификации позволяют индивиду чувствовать свою принадлежность к какой-либо группе или обществу в целом. Сторонники концепции стигматизации. [3, с. 188-196] подчеркивают, что изменения в социальных стандартах жизни (как частный случай стандартов потребления) могут привести к исключению его из социальной группы. Государством устанавливается некий минимальный набор гарантий, которые легитимизируют существование индивида и экономически поддерживают в обмен на лояльность и готовность выполнения ряда функций. Целью такого вмешательства является создание иллюзии выведения из-за пределов нижней границы социальной нормы максимального количества людей, которые не способны самостоятельно обеспечить удовлетворение своих базовых социальных потребностей на рациональном уровне. Уровень развития человеческого потенциала определяет объем предоставляемой государством социальной помощи в рамках реализации социальных гарантий. Проблема заключается в методологии определения этого объема через выявление баланса между уровнем, при котором распространяется социальное иждивенчество и уровнем, когда часть населения уже не может воспроизводить себя в бытовом, культурном, социальном планах и деградирует, способствуя при этом деформации социальной основы общества.

Бедность является фактором социальной напряженности. Несправедливое распределение доходов (по мнению низкооплачиваемых категорий населения), провоцирует бедные слои на совершение преступлений и к насильственным методам политической борьбы. История свидетельствует, что во время различных социальных потрясений именно бедные составляли их основу и стремились «грабить награбленное». Даже если бедные не совершают актов насилия в отношении других людей, общество в котором они живут, все равно несет потери. Трагична «наследуемая» бедность, когда дети беднейших социальных слоев при одинаковых способностях имеют гораздо меньше шансов самореализоваться, чем их сверстники, родившиеся в семьях с нормальным достатком.

Следует отметить тот факт, что причины глобального кризиса системы трудовых отношений, начавшегося задолго до мирового финансового кризиса, связаны с застарелыми проблемами «остаточного» подхода к вопросам социального развития. Конвенции и рекомендации Международной Организации Труда (МОТ) появились не просто так, а как реакция на ту или иную кризисную ситуацию, чтобы в будущем предотвратить развитие по кризисному сценарию. И нарушение принципов конвенций МОТ, включенных

в наше законодательство, как раз и создает предпосылки экономических потрясений. В соответствии с принятой в 1970 г. Конвенцией МОТ № 131 установленная минимальная заработная плата имеет силу закона и не подлежит понижению, а неприменение этого положения влечет за собой уголовные или иные санкции. В документе сформулированы такие критерии определения уровня минимальной заработной платы, как потребности трудящихся и их семей, стоимость жизни, общий уровень заработной платы и социальных пособий, производительность труда, поддержание высокого уровня занятости. [8] Данная Конвенция МОТ Российской Федерацией не ратифицирована. В течение семи лет рассматривается (или не рассматривается) в Государственной Думе законопроект «О минимальных государственных социальных стандартах» (проект № 209727-3).

У нас в стране отсутствует целостный подход к стандартизации уровня жизни, несмотря на тот факт, что ряд отдельных законопроектов был принят. Прецеденты установления региональных социальных стандартов уже существуют в ряде регионов России, в частности, в Республике Татарстан, Башкортостане, Ямало-Ненецком автономном округе. Однако понятие «достойная жизнь» расплывчато, подвержено трансформации, поскольку обусловлено экономическими условиями жизни общества.

Величина минимального размера заработной платы (МРОТ) обычно определяется посредством исчисления ранее утвержденного прожиточного минимума, который рассчитывают по нормативам удовлетворения минимальных потребностей в товарах и услугах с учётом уровня цен, и должна соответствовать ему. Если такого соответствия нет, это свидетельствует об отставании экономического развития страны или несовершенстве существующей системы распределения, так как минимальная заработная плата – одна из составных минимальных гарантий государства. Однако при такой ситуации среднегодовое соотношение МРОТ и прожиточного минимума всегда будет ниже 100%. По сути это схема, в которой гарантия, устанавливаемая на завтрашний день, основывается на вчерашних (заниженных) потребностях. МРОТ, устанавливаемый с 1 января 2010 г., должен быть равен среднему прожиточному минимуму за 2010 г. Проблема заключается в том, что он не определен. И вообще в законодательстве отсутствуют четкие нормы, регулирующие его применение.

К примеру, величина прожиточного минимума для трудоспособного населения в I квартале 2010 г. на юге Тюменской области составила 5778 руб.

в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре – 9092 рубля, в Ямало-Ненецком автономном округе - 9723 рубля. [7, с. 253] А минимальная заработная плата осталась установленной Федеральным законом от 24 июня 2008 года № 91-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» на уровне 4330 рублей.

Соответствие минимальной заработной платы потребительскому минимуму возможно лишь при стабильной экономической ситуации и определённом высоком уровне производства. В условиях кризиса экономики минимальный размер оплаты труда и иных социальных выплат определяется

исходя из реальных экономических условий. Как ни парадоксально звучит, но при помощи социального нормирования происходит конструирование бедности. Элементарные манипуляции с цифрами приводят к снижению или повышению порога бедности. Можно включить или исключить (или уменьшить норматив потребления) из потребительской корзины продукт, цена на который повысилась. Авторы-разработчики прожиточного минимума предлагают гражданам нормы потребления основных продуктов, товаров и услуг. Например, мяса и рыбы в среднем на одного трудоспособного человека – в два раза ниже научно обоснованных норм, а расходы на производственные товары и услуги, налоги и обязательные платежи рассчитываются исходя из доли затрат на эти цели в бюджетах низкодоходных домашних хозяйств. Только за последние четыре года услуги ЖКХ удвоились и составляют в расходах населения около 20%, а в 2010 году еще выросли на 18% в среднем по России. В то время как в США в течение 42 лет неизменно в расходах населения услуги ЖКХ составляют 5 – 6%, в странах ЕЭС – 8 – 10%. Страшно звучит, но бедность многодетных семей в России находится в прямой зависимости от количества детей в семье. Если ориентироваться на наблюдаемые доходы, то практически все многодетные семьи (трое и более детей) попадают в категорию бедных. Средний дефицит дохода данной группы семей составляет 61,2% от прожиточного минимума, большинство многодетных семей имеют доходы ниже половины стоимости минимальной потребительской корзины. Государство стремится поддерживать такие категории населения в виде различных льгот и пособий, но эта поддержка составляет всего 8,2% в доходах многодетных семей. Основным государственным пособием до шестнадцатилетнего возраста остается пособие из регионального бюджета от 100 до 300 рублей на одного ребенка, в зависимости от региона, а чтобы получить другую поддержку, надо собрать массу справок, ходить по различным инстанциям, и это, как правило, бывает разовая помощь (поддержка). А, например, в странах ЕЭС пособия на ребенка составляют 60 – 80% от средней зарплаты и выплачиваются до 18 - 19 лет, то есть до завершения обучения в средней школе. [9]

Такое положение дел не может не сказаться на социальном самочувствии населения. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного в марте 2010 г.³, респонденты с низкой самооценкой материального положения более склонны указывать на разочарование (33% против 16% среди обеспеченных), тревогу (34% против 9% соответственно), безразличие (15% против 9% соответственно), злость (15% против 6% соответственно). Несмотря на рост позитивных настроений среди 18-24 летних респондентов большинству россиян по-прежнему трудно жить (56%). Драматично различаются оценки россиян с высоким и низким материальным положением. Если первые в большинстве оценивают свою жизненную ситуацию как благоприятную (67%), то последние, напротив,

---

³ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 13-14 марта 2010 г. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%

сообщают, что им трудно жить (62%), а доля тех, кто крайне негативно оценивает свою жизнь, в этой группе значительно выше, нежели в среднем по выборке (27% против 11% соответственно). [5]

Согласно данным Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр) в апреле 2010 года Индекс социальных настроений (ИСН) снизился до 110 пунктов (падение на 4% по сравнению с февралем)⁴. С начала текущего года общественные настроения ухудшились, т.е. так не реализовался слабый положительный потенциал роста общественного оптимизма, на который были надежды в конце 2009 года. О наличии отрицательной тенденции говорить пока рано, но выжидательное ожидание, характерное для настроений населения страны в последние полгода, все с большей вероятностью может закончиться развитием негативной динамики настроений. [10]

Причем ее рост многие склонны связывать с последствиями экономического кризиса. Однако сравнительный анализ социального самочувствия населения, осуществленный автором на основе собственных исследований с разрывом в десять лет (в 1997 и в 2007 гг.) [см. 4], свидетельствует о неизменности ряда характеристик за прошедшее десятилетие.⁵ Прежде всего, это сохранение ощущения тревоги и неуверенности в целом у населения. Если у людей до 20 лет чувство тревоги снизилось, то заметно выросло равнодушие. Обращает на себя внимание тот факт, что молодежь в возрасте 20-24 года полагает, что у власти находятся криминальные структуры, и это мнение вот уже десять лет отличается завидной устойчивостью. Следовательно, не в кризисе дело, если население в течение последних десяти лет отмечает неудовлетворенность сложившейся ситуацией в регионе и в стране в целом. Причем на региональном уровне для оценки социального самочувствия населения мы можем опираться только на авторские исследования. Централизованного мониторинга социальной ситуации в Тюменской области так и не было создано.

Социальная жизнь изобилует кризисами, благодаря нашему общему невежеству, благодаря невежеству наших руководителей, сплошь и рядом «не умеющих отличить правой руки от левой», а потому и предписывающих рецепты, ценность которых равна ценности «угольков и нашёптываний», употребляемых знахарями для лечения от недугов душевных и телесных. По мнению П. Сорокина, пора уже заменить их более рациональными рецептами и «социальными докторами» делать людей, более знающих своё дело. [6, с. 73-74]

Итак, на основании теоретических изысканий и прикладных исследований автора можно выделить особенности социального контроля в современной России. Во-первых, это отсутствие целостности характера и форм социального контроля, что выражается в неадекватности его механизма по отношению к новой социальной обстановке, неспособности адаптироваться к

---

⁴ Опрос проведен 16-19 апреля 2010, N=1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны

⁵ Первое исследование было проведено в 1997 году. N=750 человек, в выборку попали 51,4% женщин и 48,6% мужчин; второе исследование осуществлено в 2007 г. N=725 человек, 53,4% женщин и 46,6% мужчин

быстрым трансформационным сдвигам в социальной структуре. Во-вторых, происходит дезориентация и дезинтеграция ценностно-нормативных основ социального контроля, что приводит к использованию в обществе неинституциональных средств, которые отражают интересы девиантных слоёв населения и провоцируют на девиантные поступки население в целом. В-третьих, происходит конструирование девиаций при помощи социальных стандартов.

Отсюда становится очевидной необходимость в разработке новой концепции социального контроля, ключевыми принципами которой должны выступить взаимоотношения «государство–право–гражданское общество – личность». При этом должны быть обеспечены следующие виды контроля: контроль за соблюдением прав и свобод личности; общественная экспертиза принимаемых законопроектов; контроль за механизмом реализации правовых норм; общественный контроль за подготовкой агентов социализации (независимые экспертные группы, производящие оценку системы подготовки кадров для органов внутренних дел).

Список литературы

Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива/ Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996.

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.

Гофман И. Представление себя другим//Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984.

Грошева И.А. Проблема организации социального контроля в России // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень.2009.№4.с.132-139.

Россияне живут надеждой. Пресс-выпуск 1454. [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/socialnye-problemy/socialnye-nastroenija-socialnoe-samochuvstvie.html>.

Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали/Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006.

Социально-экономическое положение Тюменской области в январе-апреле 2010 года: Стат. доклад/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2010.

[Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://wbase.duma.gov.ru>.

[Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://vrn.kp.ru/daily/24472/630646/>

[Электронный ресурс]// Режим доступа:<http://www.levada.ru/press/2010021605.html>

Tard G. On Communication and Social Influence. Chicago, 1969.

The Poverty of Social Control: explaining power in the historical sociology of the welfare state Robert van Krieken // Sociological Review. 1991. Vol. 38. No 1. P. 1–25.